

примитивные формы эксплуатации рабочего замещаются «цивилизующим влиянием капитала». Научным выражением и легитимацией социально-пространственной трансформации капитализма, проявленной в жертвенно-буржуазном проекте жизни, игре в субъекта, а также связанных с ними пространств и пространственных особенностях стала психологизация. Третья процедура, заключающаяся в научной легитимации и выражении социально-пространственной трансформации капитализма, была концептуализирована посредством этого понятия. Ключевым процессом психологизации, в котором воспроизводится и легитимируется на научном уровне требование капитала к рабочему, является принятие предпринимательской формы субъектности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма [Текст] / В.И. Ленин. – Полное собрание сочинений. – М. : Издательство политической литературы, 1973. – Т. 23. – с. 40-48.
2. Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль [Текст] / К. Маркс // Собрание сочинений, издание второе. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 16. – С. 101-155.
3. Маркс К. К критике политической экономии [Текст] / К. Маркс. - Сочинения. – Изд. 2-е. - М. : Политиздат, 1959. – Т. 13. – 771 с.
4. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Том первый [Текст] / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
5. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов [Текст] / К. Маркс. – Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1968-1969. – Т. 46. Ч. 1. – 559 с.
6. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов [Текст] / К. Маркс. – Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1968-1969. – Т. 46. Ч. 2. – 618 с.
7. Claval P. Marxism and space [Text] / P. Claval // Espace géographique. Espaces, modes d'emploi. Two decades of l'Espace géographique, an anthology. Special issue in English, 1993. – P. 73-96.
8. Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprozeß des Kapitals [Text] / K. Marx – Berlin: Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe. – 1962. – Band 23. - S. 11-802.

ПОЛИТЭКОНОМИЯ КАРЛА МАРКСА КАК НАУЧНОЕ ОТРАЖЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Л.М. Газнюк

г. Белгород, Россия

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

На протяжении XIX века наукой, концептуализирующей развитие капиталистических производственных отношений, была классическая политическая экономия (далее – политэкономия). Начало процесса социально-пространственной трансформации капитализма в Англии и массовое распространение его в США в начале XX века вызвали соответствующие изменения в концептуализации и легитимации капиталистических производственных отношений. Экономическая эксплуатация была дополнена идеей самоэксплуатации рабочих посредством социально-нравственных

регулятивов, предписаний и идеалов буржуазного общества. Такое дисциплинирование было подкреплено научной легитимацией всего процесса.

Чтобы осмыслить роль науки в теоретическом выражении и идеологической легитимации капитализма, необходимо обратиться к анализу политэкономии в работах Маркса и Энгельса, где содержатся важные положения относительно статуса научности политэкономии, её методологической и классовой ограниченности. По мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, политэкономия функционирует как научное отражение состояния капиталистической экономики [10, с. 396], представляя собой «... объективные мыслительные формы для производственных отношений, исторически определённого способа производства, товарного производства» [4, с. 90]. Политэкономия является «... социальной наукой буржуазии» [2, с. 455], а также основой для изучения всего буржуазного общества: «... анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [1, с. 6]; «... вопросы морали решаются политэкономией» [12, с. 364] и пр. Благодаря марксовской «критике экономических категорий» возникло материалистическое понимание истории [11, с. 550]. Но подлинная политэкономия, по мысли Маркса, начинается тогда, когда анализ процесса обращения дополняется анализом процесса производства [5, с. 349].

Для классической политэкономии характерен низкий уровень интереса к исследованию генезиса производственных отношений [3, с. 126] (исследованиями в этом направлении занимался, например, Ричард Джонс, но его труды не были замечены представителями классической политэкономии), вследствие чего описываемые отношения увековечиваются в теории [9, с. 254], и видимость выдается за сущность. Например, по причине социально-пространственного совмещения необходимого и прибавочного труда в капиталистическом производстве и стремления рассматривать труд наёмных работников как одну из разновидностей товара создаётся видимость, что заработная плата выражает цену труда, а сам труд наёмного рабочего оплачивается полностью. Эта видимость является основой для ряда знаковых идеологических и юридических (справедливость, равенство, свобода) представлений буржуазного общества. Таким образом, политэкономия фетишизирует экономические категории, приписывая предметам конкретно-исторические свойства общественных отношений: например, средства производства представляются в качестве постоянного капитала [6, с. 228]. Особенно этот фетишизм выражен в вульгарной политэкономии, которая, по мысли Маркса, полностью отвернулась от научного анализа производственных отношений в сторону доктринёрства, морализации. В вульгарной политэкономии систематизируются повседневные представления экономических агентов буржуазных производственных отношений, как будто отсутствуют различия «... между формой проявления и сущностью вещей» [5, с. 825]. Диалектический метод мышления и социально-пространственный анализ позволил Марксу и Энгельсу сформулировать понятие прибавочной стоимости, раскрыть механизм эксплуатации при капитализме.

Классовая ограниченность политэкономии состоит в том, что, будучи социальной наукой буржуазии и увековечивая капиталистические отношения в форме экономических категорий, политэкономия впадает в противоречие: указывая на рациональность капиталистических отношений, она при этом постоянно вынуждена постулировать непреложность частной собственности, «... подобно тому, как теолог, желая свидетельствовать о сверхчеловеческом, употребляет при этом человеческий опыт и понятия» [8, с. 33]. Так, в политэкономии рабочие овеществляются, становятся просто «руками», носителями рабочей силы, а обмен между капиталистом и рабочими представляет собой взаимоотношения покупателя и продавца [7, с. 487]. Политэкономия, выступая «... против объединения рабочих и борьбы против вечных законов политической экономии» [3, с. 179], «... проповедует смирение, послушание и голодную смерть» [7, с. 454]. Именно классовая ограниченность классической политэкономии привела к тому, что её адепты не смогли последовательно сформулировать выводы из

своих концепций. Благодаря принятию пролетарской, классовой позиции в научном исследовании, Маркс смог сформулировать законы движения капиталистического способа производства, определить социально-пространственную специфику капитализма, а также сформулировать тезис о новой форме эксплуатации рабочего.

Подводя итог обзору критических взглядов основоположников марксизма на политэкономия, можно предположить, что политэкономия как наука, сыгравшая огромную роль в деле легитимации и описания производственных отношений капитализма, оперирует фетишизированными понятиями, внеисторически рассматривает общественные отношения и отрицает классовые интересы и классовую борьбу. В деле научной легитимации капитализма, как показал Маркс, произошел заметный сдвиг в сторону (в)неэкономического объяснения классовых и производственных отношений (например, морализация у вульгарных политэкономов). Научная легитимация социально-пространственной трансформации капитализма не может быть представлена только набором научных понятий, а с необходимостью дополняется социально-пространственным процессом, и поэтому возникает необходимость переосмысления социально-пространственной трансформации капитализма. В «Капитале» Маркс показал, что у капиталистов-работодателей не было особых требований к рабочим, если неквалифицированный индустриальный труд могли выполнять и дети, и женщины. Когда процесс монополизации и возникновения массового производства собрал на заводах тысячи рабочих, стала очевидной проблема утечки рабочей силы, безответственного выполнения ею поставленных задач и пр. Серьезным новым фактором стало появление требований со стороны рабочих, их профсоюзных организаций относительно повышения зарплаты, уменьшения времени труда и обеспечения его охраны. В этой ситуации проблема найма рабочей силы встала в полный рост. По Марксу, рабочий – это субъективная возможность к труду, отчужденная от объективных условий своего применения, своей актуализации. Происходит первичная индивидуализация рабочего и становление его личности в жертвенно-буржуазном проекте жизни, но статус рабочего не претерпевает принципиальных изменений (хотя для этого, по видимости, создаются социально-пространственные предпосылки). Он даёт о себе знать в индивидуальном недовольстве и забастовках, приводящих к убыткам капиталистов. Социально-историческая «пустота» и отчужденность рабочего, полностью подчиненного процессу труда, начала наполняться социальными стандартами буржуазии, и рабочий стал личностью со множеством индивидуальных качеств. Вместе с научной организацией и легитимацией требований социальных стандартов, назрел вопрос о решении проблемы отчуждения. Разрыв субъективных и объективных факторов производства, по-видимому, превращается в несогласованность индивидуальных качеств рабочего с требованиями рабочего места, то есть требованиями капитала к рабочему, легитимированными научным авторитетом. Но в то же время, косвенно указывается, что у рабочего нет исходного места и он должен его искать.

Маркс отмечал, что капитал – это имя для функции эксплуатации чужого труда [13, с. 488]. В этом отношении феномен бренда как социально-пространственной трансформации капитализма является формой капитала, поскольку в нём чужой труд присваивается благодаря организации социального пространства труда, жизни и досуга рабочих, упорядочивающей и легитимизирующей эксплуатацию рабочих, превращая их политическую определенность в квази-буржуазную субъективность, – здесь основным дополнительным трудом является труд рабочих по субъективации себя. Экономические последствия такого сверх-прибавочного труда в контексте второй половине XIX – начале XX вв. выражались в форме лояльности потребителей.

Марксистские концепты классовой борьбы, эксплуатации и цивилизационного влияния капитала дают возможность существенно пересмотреть устоявшиеся представления о легитимации капиталистического общества, эксплуатации и социально-пространственной трансформацией капитализма. Исходный исторический пункт

возникновения этого процесса, следуя марксистской интерпретации кризиса капитализма, был найден во второй половине XIX века.

Имеет место непосредственная связь кризиса капитализма, в частности – кризиса воспроизводства жизни рабочего – с началом социально-пространственной трансформации. В этом пространстве для включения рабочих в социальные контексты капитал идёт на увеличение оплаты труда, осуществляемое за счёт части прибавочной стоимости, но эта его «жертва» должна быть оплачена улучшенной производительностью и политической лояльностью наёмных работников. То есть, рабочие должны были пожертвовать своим классовым самосознанием. Таким образом, капиталисты сформировали в социально-экономическом пространстве определённый проект жизни, который был определен как жертвенно-буржуазный проект, в котором «цивилизующее влияние капитала» совмещалось с самоэксплуатацией рабочего и становлением его габитуса в роли «почти-как-буржуа» через принятие протестантской и гедонистической морали, а также экономической расчётливости. Жертвенно-буржуазный проект жизни является одной из процедур социально-пространственной трансформации капитализма, в которой часть социального пространства легитимирует капитализм, убеждая всё общество в его жизнеспособности. Однако при этом социально-классовый статус рабочего не мог быть полностью преодолён социально-пространственной трансформацией. Сопrotивление социально-пространственной трансформации рабочего проявилось не только в забастовках, но и в непринятии правил этого проекта жизни.

Маркс и Энгельс понимали жизнь рабочих как жертву капитала, как самопожертвование. Капиталисты во второй половине XIX века трансформировали проблему жертвенности в производительно-субъективирующую, социально-пространственную определённость.

Антагонистические общественные отношения капитализма были трансформированы в особом пространстве и показаны как не-вещные, а личные отношения. Маркс в «Святом семействе» пишет, что собственность, капитал, деньги являются реальными результатами самоотчуждения человека, преодолеть которые можно только практически, реально, «в массовом бытии». С позиций Маркса, иллюстрирующего свою мысль на примере дома, очевиден раскол между идеальным и пространством у Гегеля. Идеальное, по Марксу, пространственно: индивидуальность данного дома представлена в неповторимой множественности его характеристик – вещественных или человеческих. Маркс не представлял себе общественных отношений, не опосредованных пространством, не явленных в пространстве, он не представлял себе, образно говоря, человека (как участника социально-исторических общественных отношений) без дома (социально определённого, произведенного пространства) и дом без человека. Для Гегеля же мера пространства раз и навсегда задана – она определяется соответствием его своему понятию в структуре форм отчуждения / присвоения себе абсолютного духа.

Однако Маркс не только утвердил на общетеоретическом уровне взаимосвязь идеального и пространства, но также проанализировал специфическую социально-историческую определённость пространства в капиталистическом способе производства. Так, в работе «Заработная плата, цена и прибыль» (1865) Маркс утверждает: «На основе системы наёмного труда даже неоплаченный труд представляется оплаченным трудом. У раба, наоборот, даже оплаченная часть его труда представляется неоплаченной. Для того чтобы работать, раб, разумеется, должен жить, и часть его рабочего дня идет на возмещение стоимости его собственного содержания. ... Возьмём, с другой стороны, крепостного крестьянина, который, можно сказать, еще вчера существовал на всем востоке Европы. Этот крестьянин работал, например, три дня на самого себя на своем собственном или предоставленном ему участке, а в течение остальных трёх дней выполнял принудительный и безвозмездный труд в поместье своего господина. Таким образом, здесь оплаченная часть труда была осязательно отделена во времени и пространстве от неоплаченной. В «Капитале» Маркс развил эту мысль, утверждая, что заработная плата рабочего кажется оплатой труда

рабочего, то есть весь его труд кажется оплаченным в форме заработной платы. Если при прежних формах собственности прибавочная стоимость пространственно отделялась от стоимости жизненных средств рабочего, то есть неоплаченный труд можно было осязательно и чувственно отделить от оплаченного (барщина), то в пространстве фабричного капиталистического производства прибавочная стоимость скрыта [4, с. 562]. Таким образом, пространственно скрывается тайна капиталистического производства. Лишённый собственности рабочий работает для воспроизводства своей жизни и для воспроизводства капитала в одном и том же пространстве, то есть воспроизводство жизни рабочего (в качестве основы для превращения этой жизни в рабочую силу) и капитала происходит в одном и том же пространстве и одновременно. Это свойство, функцию скрытия и можно назвать с точки зрения Маркса – идеальным, которое «как закон определяет способ и характер его действий» [15, с. 189], то есть, пространство приобрело в контексте общественных отношений свойство скрывать последние. Скрытие тайны капиталистического накопления (эксплуатация рабочей силы) является основой для капиталистической идеологии: «На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии» [15, с. 189]. Таким образом, социальное пространство опосредует общественное бытие и общественное сознание. Общественное бытие опредмечено в определённом пространстве и его функционировании, а на основе этого пространства зиждется идеология.

Товар представляет собой буржуазно-публичное пространство в форме требования субъективации-самоэксплуатации рабочего-потребителя в жертвенно-буржуазный проект жизни в качестве фактора легитимации капитализма. Как отмечали основоположники марксизма, для капитала рабочая сила является объектом применения со стороны находящихся в частной собственности средств производства, а субъектом всех экономических процессов является стоимость в качестве автоматически действующей, бессознательной силы стихийно организованных общественных отношений капитализма. Рабочий легитимирует капитализм своим существованием как квази-буржуа, выставляя напоказ приверженность капитала к производству жизни, «цивилизующему влиянию», преодолению проблемы эксплуатации классов.

В результате анализа всех осмысленных выше процедур социально-пространственной трансформации капитализма были выделены общие социально-пространственные особенности их функционирования: скрытие, замещение и перенесение. По мысли Маркса, в пространстве капиталистического производства скрывается различие необходимого и прибавочного труда. На поверхности, в форме зарплаты, труд рабочего выступает в качестве оплаченного, а капиталистическое производство – в качестве оплота справедливости и равенства. В пространствах товарного производства капитализма происходит скрытие различия времени жизни рабочего вне капиталистической эксплуатации и внутри нее, а также различия «цивилизующего влияния капитала» и самоэксплуатации рабочего. Скрытие приводит не только к теоретическому замещению, но и к пространственно-политическому замещению классовой определённости рабочего в определённую противостоящую классу, буржуазии, что проявляется в формировании из рабочего квази-буржуа. Замещение служит основой для перенесения. Перенесение обозначает процесс превращения части социального пространства в представителя всего социального целого, всего социального пространства. Таким образом, характеристики части переносятся на целое. Это происходит благодаря замещению скрытия, в котором происходит выставление напоказ человеческих, прозрачных отношений – а на деле, универсализированного жертвенно-буржуазного проекта жизни и игры в субъекта; а также – скрытие замещения, в котором прямая эксплуатация рабочего замещается «цивилизующим влиянием капитала».

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. К критике политической экономии [Текст] / К. Маркс. – Сочинения. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1959. – Т. 13. – 771 с.
2. Engels F. Dialektik der Natur [Text] / F. Engels. – Berlin : Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe, 1975. – Band 20. – S. 307 – 573.
3. Marx K. Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons „Philosophie des Elends“ [Text] / K. Marx. – Berlin : Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe. – 1977. – Band 4. – 63-183 s
4. Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprozeß des Kapitals [Text] / K. Marx – Berlin: Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe. – 1962. – Band 23. – S. 11-802.
5. Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Teil. Drittes Buch: Der Gesamtprozeß der kapitalistischen Produktion [Text] / K. Marx, F. Engels. – Berlin : Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe, 1964. – Band 25. – S. 33-923.
6. Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Zweiter Band. Buch II: Der Zirkulationsprozeß des Kapitals [Text] / K. Marx. – Berlin : Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe, 1963. – Band 24. – 559 s.
7. Marx K. Die deutsche Ideologie. Kritik der neuesten deutschen Philosophie in ihren Repräsentanten Feuerbach, B. Bauer und Stirner, und des deutschen Sozialismus in seinen verschiedenen Propheten [Text] / K. Marx, F. Engels – Berlin: Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe. – 1978. – Band 3. – S. 9-553.
8. Marx K. Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Konsorten [Text] / K. Marx, F. Engels. – Berlin : Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe. – 1962. – Band 2. – 3-225 s.
9. Marx K. Die Kriegerfrage – Britische Bevölkerungs- und Handelsstatistiken – Parlamentarisches [Text] / K. Marx – Berlin : Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe, 1960. – Band 9. – S. 252-265.
10. Marx K. Kritische Randglossen zu dem Artikel «Der König von Preußen und die Sozialreform. Von einem Preußen» [Text] / K. Marx – Berlin : Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe, 1981. – Band 1. – S. 392-413.
11. Marx K. Marx an Ferdinand Lassalle. 22 Februar [Text] / K. Marx – Berlin : Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe, 1978. – Band 29. – S. 549-553.
12. Marx K. Randglossen zu Adolph Wagners «Lehrbuch der politischen Ökonomie» [Text] / K. Marx – Berlin : Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe, 1987. – Band 19. – S. 355-384.
13. Marx K. Theorien über den Mehrwert (Vierter Band des „Kapitals“). Dritter Teil. Neunzehntes bis vierundzwanzigstes Kapitel und Beilagen [Text] / K. Marx, F. Engels. – Berlin : Dietz Verlag. – Marx-Engels-Werke-Ausgabe, 1968. – Band 26-3. – 663 c.

КАРЛ МАРКС И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ДЕНЕГ

С.Ю. Гостищева, А.Г. Рожанская, А.А. Гулько

г. Белгород, Россия

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Данная статья посвящена научному вкладу Карла Маркса в развитие теории денег. Особое внимание уделено сущности денег и их функциям, влиянию золотого стандарта на денежное обращение, а также особенностям использования золотых монет как средства платежа и накопления сокровищ. Кроме того, в статье раскрывается подход Маркса к таким понятиям как скорость обращения денег, денежная масса, денежно-кредитная политика государства и их влияние на экономику.

Ключевые слова: деньги, закон денежного обращения, Карл Маркс, функции денег.